

На правах рукописи

Елец Сергей Андреевич

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ
С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРОЧАЩИХ ИЗМЫШЛЕНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Краснодар – 2021

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Прохорова Марина Леонидовна

Официальные оппоненты: **Иванов Никита Георгиевич**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста
России)», профессор кафедры уголовного
права и криминологии

Аниськина Эвелина Геннадьевна
кандидат юридических наук, доцент,
Смоленский филиал ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»,
и.о. заведующего кафедрой
уголовно-правовых дисциплин

Ведущая организация: **ФКОУ ВО «Владимирский юридический
институт Федеральной службы исполнения
наказаний»**

Защита состоится « 25 » июня 2021 года в 12⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 220.038.11 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

А.В. Шульга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. История человеческой цивилизации и права как его неотъемлемой составной части показывает, что такие социально-правовые блага, как честь, достоинство и репутация, пользовались практически всегда (в той или иной степени) охраной посредством использования различных юридических инструментов. Уже первые своды обычаев, церковные установления содержали предписания об ответственности за посягательства, связанные с распространением порочащих личность измышлений (далее – измышления). Естественно, что объем криминализации соответствующих деяний варьировался в зависимости от различных факторов объективного и субъективного порядка и отражал достигнутый на тот момент уровень развития права. Одни преступления появлялись, другие, наоборот, уходили в глубину веков. Однако в числе главных закономерностей и свойств развития системы названных посягательств – ее относительно стабильный, «традиционный» характер. Это свидетельствует о постоянном внимании законодателя к регламентации ответственности за данный вид преступлений. Специфичным следует признать не только их светский характер, но и параллельное существование в течение длительного времени церковных санкций.

Все основополагающие международные документы в области защиты прав человека указывают на важность защиты чести, достоинства и репутации человека и гражданина. Международно-правовой основой криминализации рассматриваемой группы деяний выступают нормы Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. Здесь вопросам обеспечения чести и достоинства личности отведено особое место. Так, согласно ст. 1 Всеобщей декларации прав и свобод человека «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, принятая ООН в ноябре 1997 г., устанавливает: «Каждый человек имеет право на уважение его достоинства и прав, независимо от его генетических характеристик. Такое достоинство означает, что личность человека не сводится к его генетическим характеристикам и требует уважения его уникальности и неповторимости». Следует обратить внимание, что во Всеобщей декларации прав человека право на достоинство находится на первом месте.

Любая реформа в сфере уголовного законодательства должна подчиняться канонам, определенным наукой уголовного права. В этой связи важно создать научно-практическую модель системы преступлений, связанных с распространением измышлений, определить ее признаки, основные закономерности и направления развития.

История свидетельствует, что в процессе эволюции института ответственности за названные преступления происходило постепенное снижение репрессивной нагрузки, переход от санкций, связанных с различными видами лишения свободы, к имущественным. В действующей редакции УК РФ за рассматриваемые посягательства до изменений, внесенных Федеральным законом от 30.12.2020 г. № 538-ФЗ, в основном были предусмотрены штраф и различные виды работ. В настоящее время санкции ч. 2-5 ст. 128¹ УК РФ дополнены, в них появились новые виды наказаний – арест, принудительные работы и лишение свободы. Это уже свидетельствует об обратной тенденции – усилении ответственности за распространение измышлений.

Анализ статистических данных показывает, что в течение последних лет число осужденных по статьям о преступлениях, связанных с распространением измышлений, имеет в целом определенную тенденцию к сокращению. Так, по ст. 128¹ УК РФ (всем ее частям) в 2015 г. было осуждено 94 лица, в 2016 – 142, в 2017 г. – 97, в 2018 г. – 104, в 2019 г. – 83; первом полугодии 2020 г. – 33. При этом показательно, что число оправданных на несколько порядков превышает число осужденных, поэтому необходимо разобраться в том, является ли это результатом реализации принципа состязательности в уголовном процессе, либо свидетельствует о несовершенстве уголовного закона, практики его применения. По ст. 298¹ УК РФ в 2015 г. было осуждено 3 лица, в 2016 – 1, в 2017, 2018 гг. и первом полугодии 2020 г. осужденных не было, в 2019 г. было вынесено 3 обвинительных приговора. Количество осужденных по ст. 306 (всем ее частям) имеет тенденцию к снижению: в 2015 г. осуждено 3394 человека, в 2016 г. – 2851, в 2017 г. – 2600, в 2018 г. – 2318, 2019 г. – 1760, в первом полугодии 2020 г. – 754¹.

Для науки уголовного права традиционно внимание к проблемам регламентации уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением измышлений. Активное исследование их составов началось еще в XIX в. и продолжается по настоящее время. Тому свидетельством большое количество монографических исследований, статей в периодической печати и защищенных диссертаций по разным аспектам указанной проблематики. Однако изучение содержания этого пласта уголовно-правовой мысли показывает, что многие вопросы по сей день не разрешены до конца, отличаются дискуссионностью, в системе действующего законодательства имеется немало пробелов и недоработок. Не до конца изучен и использован зарубежный правовой опыт. Изменения в законе также требуют пристального внимания специалистов. Всё это предопределяет актуальность темы диссертационного исследования.

¹ Данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru>.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Вопросы, связанные с уголовно-правовой охраной чести, достоинства и репутации личности, занимают внимание исследователей уже более двух столетий. Классики российского дореволюционного права Л.С. Белогриц-Котляревский, М.Ф. Владимирский-Буданов, М.В. Духовский, В.В. Есипов, Н.А. Неклюдов, П.П. Пусторослев, Н.Н. Розин, В.И. Сергеевич, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др. в своих работах обратили внимание на содержание понятий «честь», «достоинство», «репутация», определив различные подходы к их пониманию. Авторами предпринимались попытки сформулировать общее понятие клеветы. Их труды легли в основу разработки в советском и постсоветском уголовном праве теории объекта посягательств, связанных с распространением измышлений, создать их систему и определить содержание составов. В постреволюционный период вопросами, связанными с законодательной регламентацией и квалификацией рассматриваемых преступлений, в разное время занимались Э.Г. Анискина, А.А. Арямов, А.В. Бриллиантов, А.А. Власов, А.В. Галахова, Ю.В. Ганжа, А.С. Горелик, Е.А. Елец, Н.Г. Иванов, В.Д. Костюк, Ю.И. Кулешов, Д.В. Колесников, Я.М. Кульберг, Л.В. Лобанова, М.Е. Матросова, С.Ф. Милуков, И.С. Ной, Т.Н. Нуркаева, С.С. Омельченко, Р.С. Пелипенко, И.Я. Петухов, И.В. Пикин, В.Б. Поезжалов, М.Л. Прохорова, К.Н. Радченко, Б.З. Пурцхванидзе, Ш.С. Рашковская, Н.К. Рудый, А.А. Сидакова, А.К. Симонов, С.В. Смолин, О.С. Степанюк, А.В. Степанюк, С.А. Сургай, Ю.М. Ткачевский, И.М. Тяжкова, А.Н. Фирсов, И.Н. Фролова, М.Х. Хабибуллин, Д.О. Хан-Магомедов, И.И. Харитонов, А.Г. Хоштария, М.М. Шахмаев, В.И. Шмарион, Е.Е. Чередниченко, А.И. Чучаев, С.М. Юдушкин, А.В. Яшин и другие отечественные исследователи.

Различным аспектам регламентации уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением измышлений, посвящены диссертационные исследования А.А. Власова («Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации», М., 2000), Ю.В. Ганжа («Преступления против чести и достоинства личности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика», Краснодар, 2007), Д.В. Колесникова («Уголовно-правовая охрана чести и достоинства военнослужащих», М., 2008), Г.К. Кострова («Уголовно-правовое значение угрозы», М., 1970), Лобановой Л.В. («Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности», Казань, 2000), М.Е. Матросовой («Защита чести и достоинства сотрудников ОВД. Уголовно-правовые и криминологические аспекты», М., 1997), Т.Н. Нуркаевой («Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики)», М., 2006), С.С. Омельченко («Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления», М., 2008), В.Б. Поезжалова («Уголовно-правовая защита чести и достоинства

личности», Рязань, 2003), Б.З. Пурцхванидзе («Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве», М., 1961), Н.К. Рудого («Уголовно-правовая охрана чести, достоинства и репутации», М., 2002), С.В. Смолина («Уголовная ответственность за заведомо ложный донос», М., 2012), И.И. Харитонова («Уголовная ответственность за клевету», М., 2015), В.И. Шмарион («Ответственность за преступления против чести и достоинства личности по российскому уголовному законодательству», Ростов-на-Дону, 2001), С.М. Юдушкина («Ответственность за ложный донос и лжесвидетельство (уголовно-правовое исследование)», М., 1974). Однако, не умаляя научной ценности указанных работ, отметим, что многие из них написаны в период действия законодательства, полностью или частично утратившего силу, либо посвящены отдельным составам посягательств против чести и достоинства личности, не охватывая все преступления, выражающиеся в распространении измышлений или связанные с этим.

Целью исследования выступает формулирование принципиально новых доктринальных положений, лежащих в основе построения научно-практической модели совершенствования системы преступлений, связанных с распространением измышлений, создание такой модели, определение направлений оптимизации предписаний уголовного закона и практики его применения.

Достижение указанных целей предполагает необходимость решения следующих **задач**:

– осуществить анализ процесса эволюции положений российского законодательства, выявив основные закономерности развития института ответственности за преступления, связанные с распространением измышлений, определить основные этапы его развития;

– провести компаративистское исследование корреспондирующих норм уголовного права стран Дальнего и Ближнего зарубежья на предмет определения установлений, полезных для отечественного уголовного закона, сформулировать предложения по заимствованию некоторых из них;

– на основе анализа норм действующего уголовного и иного законодательства сформулировать авторское определение используемых в уголовном законе правовых понятий, связанных с исследуемыми посягательствами, выявить пробелы и коллизии в УК РФ и определить пути их устранения;

– путем системного критического анализа изучить доктринальные источники, посвященные рассматриваемым посягательствам, сформулировать авторское отношение к соответствующим научным взглядам, определить их положительные и отрицательные стороны для определения собственной позиции;

– выявить и сформулировать основные подходы к криминализации названных деяний и дифференциации уголовной ответственности за них в отечественном уголовном законодательстве.

Теоретическая и практическая значимость исследования выражается в том, что сформулированные в нем положения и выводы дополняют учение о преступлениях, связанных с распространением измышлений, способствуют дальнейшему развитию отечественной уголовно-правовой науки в соответствующей ее части, создают почву для последующих изысканий в этой области.

Разработанный автором комплекс предложений будет способствовать совершенствованию законодательной регламентации составов рассматриваемых преступлений, позволит устранить имеющиеся в УК РФ пробелы и оптимизировать практику применения уголовного закона.

Предложенная в диссертационном исследовании научно-практическая модель может послужить основой для реформирования системы названных преступлений, выработке новых законодательных дефиниций и правил квалификации отдельных видов указанных посягательств.

Рекомендации, сформулированные в работе, могут быть учтены в правоприменительной деятельности следственно-судебными органами при решении вопросов, связанных с применением норм об уголовной ответственности за рассматриваемые преступления.

Положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе при преподавании дисциплин уголовно-правового цикла.

Методологической основой исследования выступает общенаучный диалектический метод познания. Кроме того, применялись исторический (ретроспективный) метод, методы формальной логики (анализ, синтез, определение, классификация), формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический и конкретно-социологический (анкетирование, изучение документов) методы.

Научная новизна исследования состоит в том, что автором впервые на монографическом уровне осуществлено комплексное исследование группы преступлений, связанных с распространением порочащих измышлений, в результате которого предложена новая общность уголовно-правовых норм, регламентирующих уголовную ответственность за названные деяния. Исходя из выявленных системно-структурных связей, установлено, что эти нормы составляют внутренне взаимосвязанную совокупность, которую необходимо рассматривать как особое, оригинальное уголовно-правовое явление. Исходя из данной логики, автором были рассмотрены не только составы соответствующих преступлений против чести и достоинства личности, но и тесно примыкающие к ним преступления в сфере экономической деятельности и против интересов правосудия.

Избранный подход обеспечил формирование нового взгляда на ряд уголовно-правовых дефиниций. Сформулировано авторское понимание клеветы, ее объекта, дано определение понятия «честь», внесены предложения по определе-

нию содержания объектов иных преступлений, входящих в рассматриваемую систему.

Предложено отказаться от конструкции «заведомо ложные сведения», заменив ее более лаконичным и точным термином «измышления». В связи с тем, что понятия «достоинство» и «репутация» являются видовыми по отношению к понятию «честь», выступающему в качестве родового по отношению к ним, автор считает целесообразным не выделять их самостоятельно при определении объекта посягательства.

В диссертации разработана оригинальная периодизация развития норм о преступлениях, связанных с распространением порочащих личность измышлений, определен ее критерий и характерные для каждого этапа эволюции черты. Автором рассмотрены подходы к криминализации названных деяний в зарубежном праве с выявлением представляющих интерес в ракурсе возможной их рецепции положений.

Впервые предпринято комплексное рассмотрение основных подходов к дифференциации уголовной ответственности за преступления, связанные с распространением измышлений, в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве.

В работе сформулировано собственное понимание признаков заведомо ложной информации (измышлений) как средства совершения рассматриваемых преступлений.

Создание концептуальной теоретической основы института ответственности за рассматриваемые преступления позволило не только сформулировать предложения по оптимизации уже существующих норм, но и устранить имеющиеся, на взгляд автора, пробелы в правовой регламентации системы посягательств, связанных с распространением порочащих измышлений, предложить новые составы и квалифицирующие признаки.

Научная новизна исследования находит выражение и в **положениях, выносимых на защиту:**

1. Лексическая конструкция «заведомо ложные сведения», которой оперирует закон, представляется несколько перегруженной. Сами по себе сведения – термин нейтральный, поскольку они могут быть как истинными, так и ложными. Более оптимальным с точки зрения законодательной техники является использование понятия «измышления», поскольку они сами по себе, априорно ложны, надуманны и не могут быть правдивыми.

2. Сформулирован авторский подход к периодизации развития института ответственности за преступления, связанные с распространением измышлений. В этом процессе выделены дореволюционный, советский и современный этапы. Первый характеризуется отсутствием универсального понятия клеветы;

определением ее отдельных видов; использованием в правовых актах разнообразной терминологии («ябедничество», «поклеп», «бесчестье» и т.д.); «смешением», как правило, клеветы и заведомо ложного доноса; отсутствием единого подхода к целесообразности криминализации посягательств, связанных с распространением измышлений в отношении должностных лиц, как специальных разновидностей клеветы. Второму свойственно стремление законодателя к унификации и универсализации соответствующих нормативных предписаний: появляется общее понятие клеветы; постепенно унифицируется понятие заведомо ложного доноса; просматривается стремление к отказу от бессистемного разброса деяний, связанных с распространением порочащих личность измышлений, по различным главам уголовного закона; основным критерием их расположения в системе особенной части уголовного закона постепенно становятся видовой и непосредственный объекты посягательства. На третьем этапе получает окончательное закрепление система посягательств, связанных с распространением порочащих личность измышлений.

3. Выделены подходы к криминализации клеветы в зарубежном праве. Первый подход порождает публично-правовой вакуум, оставляя честь и достоинство личности лишены публично-правовой защиты. Это полная декриминализация клеветы и ее видов при отсутствии административно-правовой альтернативы. Второй подход (широкий) заключается в наличии как общего, базового состава клеветы в качестве преступного деяния, так и его квалифицированных видов. Он наиболее оптимален как с точки зрения законодательной техники, так и дифференциации ответственности. Третий подход (смешанный) предполагает наличие общего состава клеветы как административного правонарушения и его квалифицированных видов, криминализованных в уголовных кодексах.

4. Определено, что система преступлений, связанных с распространением измышлений, в действующем отечественном уголовном законодательстве состоит из двух подсистем: преступления, непосредственно выражающиеся в распространении названных измышлений (ст. 128¹, 298¹, 306 УК РФ); преступления, для которых способом их совершения закон устанавливает угрозу распространения негативной информации (измышлений) (ст. 163, 179 УК РФ, иные составы, в структуре которых в указанном статусе присутствуют неконкретизированная угроза и (или) шантаж).

5. В связи с дискуссионностью предлагается авторское видение объекта клеветы – это общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности чести лица. При этом достоинство и репутация включены в понятие чести. Достоинство выступает в качестве внутренней стороны чести, выражая уровень социальной самооценки лица, а репутация – в качестве внешней стороны, отражая оценку личности со стороны окружающих. Для лиц умерших, страдающих

психическими расстройствами и малолетних достаточным для квалификации является установление причинения вреда их репутации, так как достоинством данные субъекты не обладают. Таким образом, честь – это обеспеченное международным и российским правом комплексное социально-правовое благо, выражающееся в определенном уровне внутренней оценки лицом своих социально-значимых качеств (достоинство) и оценки их со стороны окружающих (репутация).

6. Юридическое лицо должно быть признано потерпевшим от клеветы, однако состав соответствующего преступления, сформулированный в диссертации, исходя из объекта посягательства, следует поместить в гл. 22 УК РФ.

7. Клевета во всех своих разновидностях не имеет предмета преступления, порочащие личность измышления в составах посягательств, предусмотренных ст. ст. 128¹, 298¹ и 306 УК РФ, выступают в статусе средств их совершения, являясь, таким образом, признаком объективной стороны.

8. Определено, что оговор заведомо невиновного лица, произведенный подозреваемым или обвиняемым, не может рассматриваться как средство самозащиты. Конституция РФ прямо указывает, что осуществление лицом своих прав не должно нарушать права и законные интересы других лиц. В данном случае речь идет о совершении заведомо ложного доноса, то есть предоставления органам правосудия заведомо ложной информации о совершении преступления другим лицом. Деяние отвечает всем признакам состава заведомо ложного доноса, причиняя ущерб нормальной деятельности правоохранительных и судебных органов, нарушая права и законные интересы других лиц, которые в результате оговора могут быть необоснованно привлечены к уголовной ответственности.

9. Предложено снизить возраст уголовной ответственности за заведомо ложный донос до 14 лет, что не только обеспечит реализацию превентивной функции закона путем удержания подростков от сообщения правоохранительным органам заведомо ложной информации, но и обеспечит системность уголовного закона в контексте корреляции со ст. 207 УК РФ.

10. Неконкретизированная угроза (в том числе обещание распространения измышлений, позорящих сведений) или шантаж должны быть включены в качестве конструктивного или квалифицирующего признака в структуру всех составов преступлений, связанных с принуждением лица к совершению определенных действий или отказу от их совершения. При этом шантаж должен особо выделяться в том случае, если состав преступления предполагает иные конкретизированные виды угроз. В противном случае достаточно использования общего понятия «угроза» при обозначении способа совершения преступления.

11. При осуществлении дифференциации уголовной ответственности законодатель недооценил степень общественной опасности клеветы, содержащейся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации, либо совершенной публично с использованием

информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ). Степень общественной опасности данного вида клеветы потенциально очень велика, так как ее адресатами могут стать миллионы телезрителей, пользователей сети «Интернет» и т.д. Предлагается перенести положения ч. 2 ст. 128¹ УК РФ в ч. 5 статьи. Этот же квалифицирующий признак должен быть включен в ст. 298¹ УК РФ.

12. Используемый законодателем оборот «клевета ... в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных» является достаточно спорным и порождает немало проблем. Прежде всего, не вполне ясно, кто сможет реализовывать уголовно-процессуальные права потерпевшего, если речь идет о клевете в отношении социальной группы, проблемой может стать определение принадлежности к таковой. Термин «нескольких» также потребует уточнения. С другой стороны, введение такого квалифицирующего признака, как клевета в отношении двух или более лиц, но индивидуально определенных, видится вполне обоснованным. Аналогичным признаком следует дополнить и ст. 306 УК РФ. Подобные действия обладают повышенной общественной опасностью, так как затрагивают права, свободы и законные интересы нескольких потерпевших, порождают еще большие затраты ресурсов правоохранительных органов.

13. К числу основных признаков (черт), характеризующих в целом систему преступлений, связанных с распространением измышлений, и теоретической модели совершенствования их регламентации, отнесены следующие: стабильность (традиционность); вариативность; системность; полнота. Каждый из них обусловлен методами уголовно-правовой политики. Первый отражается в криминализации (декриминализации) соответствующих деяний. Второй – в дифференциации ответственности. Системность выступает воплощением уголовно-правовой политики в целом, аккумулируя практически все ее методы. Полнота основана на познании потребностей в уголовно-правовой охране общественных отношений, криминализации соответствующих общественно опасных деяний и дифференциации уголовной ответственности за них.

14. В результате осуществленных теоретических изысканий разработана научно-практическая модель совершенствования системы преступлений, связанных с распространением измышлений.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается: применением *совокупности общенаучных и частно-научных методов познания*; анализом широкого круга *нормативных правовых актов* (положения международного права; Конституция Российской Федерации; отечественное уголовное законодательство различных исторических периодов; законодательство иной отраслевой принадлежности; уголовное и иное законодательство 25 зарубежных государств

– Азербайджана, Армении, Беларуси, Великобритании, Грузии, Италии, Казахстана, КНР, Кореи, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, США, Таджикистана, Туркменистана, Турции, Узбекистана, Украины, ФРГ, Франции, Швейцарии, Эстонии, Японии; изучением *значительного числа научных работ* авторов (как большинства ученых, названных при определении степени научной разработанности темы исследования, так и ряда иных); *эмпирической базой* диссертации, которую составили статистические данные за период с 2017 г. по 1-ое полугодие 2020 г.; результаты изучения опубликованной судебной практики Конституционного и Верховного Суда РФ, федеральных судов Краснодарского края и ряда иных регионов РФ (всего изучены приговоры и иные судебные решения по 113 уголовным делам), а также проведенного соискателем анкетирования 42 судей и 58 следователей.

Результаты научного исследования изложены в 9 опубликованных автором научных статьях (в том числе в 4, представленных в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ).

Теоретические положения, содержащиеся в работе, обсуждались на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, на которой подготовлена диссертация.

Основные положения диссертации и выводы из осуществленного исследования докладывались автором на 2 международных научно-практических конференциях: VIII Международной научно-практической конференции «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов» (г. Краснодар, КСЭИ, 18.04.2019 г.); Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (г. Краснодар, Краснодарский университет МВД РФ, 11.09.2020 г.).

Результаты проведенного исследования внедрены в учебный процесс в рамках преподавания уголовно-правовых дисциплин, а также в правоприменительную деятельность, что подтверждается актами о внедрении.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования и включает введение, три главы, объединяющие десять параграфов и подпараграфов, заключение, список использованных источников, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы; раскрывается степень ее научной разработанности; определяются цель и задачи исследования; показана его методологическая основа; раскрывается научная новизна; формулируются положения, выносимые на защиту. Здесь же определена теоретическая и

практическая значимость диссертационной работы; приведены сведения о степени достоверности результатов исследования, информация об их апробации, а также о структуре диссертации.

Первая глава **«Криминализация деяний, связанных с распространением порочащих измышлений: компаративистские аспекты»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе *«Эволюция процесса криминализации деяний, связанных с распространением порочащих измышлений, и дифференциации ответственности за них в отечественном уголовном праве»* автор осуществляет исторический экскурс в процесс становления и развития института ответственности за преступления, связанные с распространением порочащих личность заведомо ложных сведений (далее – измышлений). На основании изучения мировых памятников права и религии заключено, что рассматриваемый вид преступных деяний существовал практически с самого появления права как социального регулятора.

Изучение истории русского права свидетельствует, что преступления, связанные с распространением измышлений, присутствовали далеко не во всех его источниках. Установлено, что такого рода посягательства появляются в XI в. Состав клеветы впервые был предусмотрен Уставом князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных.

Автор констатирует, что развитие норм об уголовной ответственности за распространение измышлений в целом подчиняется общим закономерностям эволюции норм Особенной части отечественного уголовного права. В его процессе происходит переход от казуального способа формулирования диспозиций к абстрактному. Установлено, что на первоначальных этапах установление уголовной ответственности за распространение измышлений не было обусловлено существованием регулятивных норм. Законодатель оценивал объективную общественную опасность того или иного деяния (клевета, «поклеп», «ябедничество», «бесчестье» и т.д.) и вводил за него наказание. В работе предложено авторское видение периодизации развития института ответственности за названную группу преступлений. В качестве основы предложен вид общественно-экономической формации (тип права), в рамках которого существовали соответствующие предписания. Выделены дореволюционный, советский и современный этапы с установлением основных характеризующих их черт и тенденций.

Изучение развития санкций за рассматриваемые посягательства позволило определить основную тенденцию их эволюции – постепенное снижение карательной нагрузки на виновных: происходит переход от санкций личного характера (смертная казнь, различные виды лишения свободы) к главным образом имущественным наказаниям. Первоначально она нашла отражение и в УК РФ. Вместе с тем в настоящее время законодатель усилил уголовную ответственность за клевету, задав, очевидно, иной вектор пенализации указанных преступлений.

Во втором параграфе «*Зарубежный опыт криминализации деяний, связанных с распространением порочащих измышлений, и дифференциации ответственности за них*» автор обращается к корреспондирующим положениям законодательства стран Ближнего и Дальнего зарубежья, исследуя 25 уголовных кодексов, ряд кодексов об административных правонарушениях и некоторые иные правовые акты.

В работе сделан вывод, что в законодательстве стран Ближнего зарубежья при криминализации клеветы используется три подхода. Первый предполагает отсутствие клеветы как в уголовном законе, так и в числе административных правонарушений, что порождает публично-правовой вакуум, оставляя честь и достоинство без публично-правовой защиты, а потерпевшему возможность прибегнуть только к гражданско-правовым механизмам таковой. Второй (широкий) подразумевает наличие в уголовном законе базового состава клеветы и ее квалифицированных видов. Он реализован и в УК РФ. Третий (смешанный) заключается в закреплении клеветы в качестве административного правонарушения и криминализации ее квалифицированных видов.

Автор выделяет стандартные криминообразующие признаки, используемые в большинстве случаев при построении составов клеветы. Это распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений; совершение деяния в публичном выступлении либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет; иной публичный способ распространения; сопряженность с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Установлено, что к квалифицированным и особо квалифицированным видам клеветы различные уголовные законы относят: клевету, повлекшую тяжкие последствия; сопряженную с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления, связанного с коррупцией; осуществленную в печатном или иным способом размноженном тексте, печатном издании либо в СМИ; совершенную опасным рецидивистом; из корыстных или иных низменных побуждений; содержащуюся в заявлении или в анонимном письме, поданном государственной, общественной или иной организации.

В некоторых уголовных законах установлена ответственность за клевету в отношении главы государства, в том числе в отношении индивидуально определенного лица (УК Таджикистана). В административном законодательстве ряда стран предусмотрена ответственность за клевету в отношении кандидата на выборную должность. В связи с этим обосновывается предложение о частичной рецепции указанных положений и установлении в УК РФ уголовной ответственности за клевету в отношении Президента РФ, высших должностных лиц государ-

ственных и муниципальных органов, кандидатов на государственные и муниципальные выборные должности¹.

Определено, что заведомо ложный донос как вид преступления присутствует практически во всех уголовных законах стран бывшего СССР. При этом используется различная терминология: «заведомо ложный донос», «ложный донос», «ложное сообщение о преступлении», «жалоба».

Обращение к законодательству стран Дальнего зарубежья позволило установить, что многие из уголовно-правовых актов содержат составы клеветы и заведомо ложного доноса при вариативности подходов к их криминализации. Объективную сторону первой могут составлять сообщение или распространение заведомо ложного факта, информации; фальсификация информации, фактов; слова, жесты или угрозы; создание текстов или изображений любого рода; разглашение позорящих другое лицо сведений путем публичного заявления; вменение кому-либо в вину совершение деяний, способных запятнать честь потерпевшего; предание огласке ложных фактов; распространение ложных слухов, заведомо клеветнических измышлений; приписывание потерпевшему поведения или свойства, которые могут унижить его в глазах общественного мнения или привести к утрате доверия, необходимого для занимаемой должности, осуществляемой профессии или рода деятельности.

Обоснован вывод о необходимости рецепции положений, направленных на уголовно-правовую защиту чести и достоинства умершего лица².

Вторая глава **«Криминализация деяний, связанных с распространением порочащих измышлений, в УК РФ, их система и правовая характеристика»** включает шесть параграфов и подпараграфов.

В параграфе 2.1 *«Система преступлений, связанных с распространением порочащих измышлений, в УК РФ»* проводится комплексный анализ рассматриваемой группы посягательств. Сделан вывод, что, с точки зрения лексики, используемый в действующей редакции закона оборот «заведомо ложные сведения» менее выгоден по отношению к имеющему более негативную окраску термину «измышления», которые изначально носят заведомо ложный характер. Поэтому для целей уголовного закона при конструировании авторской редакции ст. 128¹ УК РФ использовано понятие «измышления»³. Оборот «заведомо ложные измышления» видится тавтологичным.

Автором отмечено, что в анализируемую группу преступлений, наряду с традиционными посягательствами, для которых образующее их деяние непосредственно выражается в распространении порочащих личность измышлений (ст. 128¹, 298¹, 306 УК РФ), входят также составы, где угроза распространения

¹ Данное предложение поддержали 87 % опрошенных соискателем респондентов.

² Этот вывод поддержан 94 % опрошенных респондентов.

³ С данной трактовкой согласились 63 % опрошенных респондентов.

заведомо ложной порочащей информации выступает способом их совершения.

Обращено внимание на большой процент (88 %) оправдательных приговоров по ст. 128¹ УК РФ, и сделан вывод, что во многом это связано с использованием оценочной терминологии в диспозиции статьи.

Обосновано мнение о нецелесообразности предложенного в литературе объединения в рамках ст. 128¹ УК РФ всех видов клеветы, ныне представленных в иных главах УК РФ (Т.Н. Нуркаева), в силу их разных родовых и видовых объектов¹.

Анализ смыслового значения терминов «порочащие» и «позорящие сведения» привел к выводу об их синонимичности в уголовно-правовом смысле. Более удачным признан термин «порочащие», то есть вносящие негативный элемент во внешнюю оценку лица окружающими, тогда как словосочетание «позорящие сведения» больше характеризуют моральное состояние самого потерпевшего, который не всегда будет считать себя опозоренным.

Подпараграф 2.2.1 *«Клевета – базовый состав для конструирования специальных видов преступлений, выражающихся в распространении порочащих измышлений»* посвящен комплексному анализу состава этого деяния.

На основании существующих в литературе подходов к определению чести, достоинства и репутации как охраняемых уголовным законом социально-правовых благ (А.В. Власов, Э.С. Денисова, Н.К. Рудый и др.) сформулирован вывод, что честь является родовым понятием по отношению к достоинству и репутации. Следовательно, выделять последние при определении объекта клеветы нецелесообразно, они составляют объективное и субъективное содержание чести². Таким образом, объект клеветы определен как общественные отношения в сфере обеспечения чести лица.

Автором выявлена тенденция к постепенному сокращению числа осужденных по ст. 128¹ УК РФ с 2015 г. по настоящее время. Согласно позиции диссертанта, это может быть вызвано, в том числе, несовершенством диспозиции ст. 128¹ УК РФ.

Выдвинуто предложение о выделении состава клеветы в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя, то есть распространения измышлений, подрывающих их деловую репутацию³. Исходя из объекта посягательства, предлагаемое деяние должно занять место в гл. 22 УК РФ. Автором сформулирована диспозиция соответствующей нормы.

Дополнительно обоснована точка зрения, что клевета имеет формальный состав, и наступление последствий, их уголовно-правовая оценка лежат в сфере индивидуализации наказания.

¹ Данную позицию поддержал 71 % опрошенных респондентов.

² С этим предложением согласны 54 % опрошенных респондентов.

³ С данным предложением солидарны 92 % опрошенных респондентов.

В работе поддержано с добавлением авторской аргументации мнение, что клеветническая информация не является предметом посягательства, а выступает частью объективной стороны – средством совершения преступления.

Дополнительно подчеркнута справедливость позиции (А.С. Горелик), что состав клеветы отсутствует в том случае, если истинность или ложность распространенных сведений не могут найти объективного подтверждения (обвинения в наведении сглаза, порчи).

Подпараграф 2.2.2 «Клевета, осуществляемая в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органа принудительного исполнения Российской Федерации» посвящен анализу названного посягательства. Проведенный анализ статистических данных показывает, что данная статья практически не применяется (с 2017 г. по ней было осуждено всего 3 человека). Вместе с тем необходимо обратить внимание на предупредительное значение соответствующего законодательного запрета.

Дополнительно обоснована точка зрения о том, что преступление является двухобъектным (А.С. Горелик, Н.Г. Иванов, Л.В. Лобанова и др.). Основным непосредственным объектом выступают общественные отношения в сфере обеспечения интересов правосудия. Интересы охраны чести конкретного должностного лица в данном случае – дополнительный непосредственный объект. Сделан вывод о некорректности высказанных в специальной литературе предложений поменять местами основной и дополнительный непосредственные объекты данного деяния¹.

По мнению соискателя, распространение измышлений о том, что судья или иное лицо, указанное в ч. 1 ст. 298¹ УК РФ, больны социально-осуждаемыми болезнями (наркомания, алкоголизм и т.п.), психическим расстройством, не может быть квалифицировано по ст. 298¹ УК РФ. Однако если виновный утверждает, что в силу заболевания ими судья не способен к отправлению правосудия по конкретному уголовному делу, привлечение к уголовной ответственности по данной статье вполне возможно².

Автор заключает, что различные виды клеветы в отношении специальных потерпевших обладают неодинаковым уровнем общественной опасности. Так, клевета в публичном выступлении, средствах массовой информации, сети «Интернет» гораздо более опасна, чем обычная клевета в адрес указанных в диспозиции ст. 298¹ УК РФ лиц. Следовательно, необходимо провести дифференциацию уголовной ответственности за различные виды клеветы в рамках названной статьи, тем более что это уже осуществлено в ст. 128¹ УК РФ. Обновленная редакция статьи представлена в разделе 3.2 работы.

¹ Данный вывод поддержали 89 % опрошенных респондентов.

² С этим мнением согласились 98 % опрошенных респондентов.

В подпараграфе 2.2.3 «Заведомо ложный донос» проведено исследование состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ, научных воззрений на него и вопросов квалификации.

Проведенный анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает постепенное снижение числа лиц, осуждаемых по всем частям указанной статьи. При этом установлено, что заведомо ложный донос относится к числу самых распространенных преступлений против правосудия.

Автором выделены признаки измышлений, составляющих содержание заведомо ложного доноса: информация должна касаться совершения преступления, а не иного правонарушения; донос может включать ложные сведения о совершении лицом преступления по международному уголовному праву либо законодательству иностранного государства; суть доноса могут составлять сведения как об оконченном, так и о неоконченном преступлении (покушении, приготовлении к тяжкому или особо тяжкому преступлению), соучастии в преступлении; сведения могут как касаться конкретного лица, якобы совершившего посягательство, так и содержать информацию о мнимом преступлении; информация может быть выражена как в устном, так и письменном виде, включая электронную форму, а равно передана через других лиц. Соответствующая информация может быть направлена виновным в правоохранительный орган, правомочный осуществлять ее проверку и выносить процессуальное решение по ее результатам (о возбуждении уголовного дела или отказе в его возбуждении), а равно и в иные государственные и муниципальные органы, организации, руководители которых обязаны передавать сообщение о преступлениях компетентным органам, а также в суд по делам частного обвинения. Сообщение о преступлении при наличии добровольного отказа влечет уголовную ответственность в том случае, если заявитель заведомо знал, что лицо, в отношении которого осуществляется донос, добровольно и окончательно отказалось от доведения преступления до конца.

В работе формулируется вывод, что заведомо ложное сообщение о факте совершения преступления другим лицом, сделанное обвиняемым или подозреваемым, не может рассматриваться как средство самозащиты, разрешенное уголовным и уголовно-процессуальным законодательством. В качестве обоснования диссертант ссылается на положение ч. 3 ст. 17 Конституции РФ о том, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц», и приводит иную дополнительную аргументацию, указывая, что подобная самозащита имеет все признаки состава преступления, предусмотренного ст. 306 УК РФ¹.

Поддержана и дополнительно обоснована точка зрения о том, что заведомо

¹ С данным мнением согласны 43 % опрошенных респондентов.

ложный донос будет являться окончанным преступлением с момента поступления сообщения в государственный орган или должностному лицу, имеющему право возбудить уголовное дело.

Формулируя предложение о снижении возраста уголовной ответственности за названное деяние¹, автор апеллирует к ст. 207 УК РФ, предусматривающей специальный вид этого посягательства, субъектом которого выступает вменяемое физическое лицо, достигшее 14 лет. Кроме того, УПК РФ не устанавливает возраст, при наступлении которого допускается подача сообщения о преступлении. Это открывает возможность подросткам, не достигшим 16 лет, действуя из различных социально-негативных мотивов, подавать соответствующие заведомо ложные сообщения. Вместе с тем диссертантом сформулированы конкретные предложения по большей формализации процедуры подачи заявления о преступлении несовершеннолетними.

Предложено предусмотреть в ст. 306 УК РФ такой квалифицирующий признак, как совершение преступления в отношении двух или более лиц.

Параграф 2.3 «Угроза распространения порочащих измышлений как способ совершения преступления» посвящен анализу преступных деяний, в которых соответствующая угроза выступает в указанном статусе. Речь идет о составах преступлений, предусмотренных ст. 163 и 179 УК РФ, а также иных посягательствах, где способом совершения деяния является неконкретизированная угроза и (или) шантаж.

Угроза определяется как психическое воздействие на потерпевшего в форме сообщения намерения совершить в отношении этого лица или его близких противоправные и (или) аморальные действия (применить насилие, уничтожить или повредить имущество, разгласить позорящие сведения, иные сведения, конфиденциальность которых важна для потерпевшего, и т.д.). Признано обоснованным мнение о том, что угроза может быть двух видов: угроза-обещание и угроза-опасность (И.А. Сулопаров). При этом последняя понимается не как воздействие на потерпевшего негативной информацией, а как введение потерпевшего в опасное состояние и, соответственно, фиксирование виновного (или иного лица) как источника данной опасности, устраняет которую исполнение его требования.

Шантаж, по мнению автора, является разновидностью неконкретизированной угрозы и полностью охватывается признаками последней. Его выделение в УК РФ в качестве самостоятельного признака преступления необходимо в случае наличия в составе альтернативных конкретизированных видов угроз (шантаж, угроза применения насилия, уничтожения, повреждения имущества и т.д.). В случае безальтернативности достаточно общего понятия «угроза».

Диссертант утверждает, что неконкретизированная угроза во всех случаях,

¹ Предложение о снижении возраста уголовной ответственности за заведомо ложный донос поддержали 87 % опрошенных респондентов.

где она предусмотрена в качестве способа совершения преступления, может предполагать, в том числе, угрозу распространения измышлений, порочащих потерпевшего или его близких, либо сведений, которые они стремятся сохранить в тайне.

Автор приходит к выводу, что угроза распространением порочащих измышлений или иной информации, которую потерпевший или его близкие стремятся сохранить в тайне, как способ совершения преступления должна быть учтена в качестве конструктивного или квалифицирующего признака для всех составов преступлений, которые выражаются в принуждении к определенному поведению или отказу от него.

Третья глава **«Дифференциация ответственности за преступления, связанные с распространением порочащих измышлений: законодательные подходы и перспективы оптимизации»** состоит из двух параграфов.

В первом параграфе *«Подходы к дифференциации ответственности за преступления, связанные с распространением порочащих измышлений, в УК РФ и пути их совершенствования»* проанализированы различные точки зрения относительно определения понятия и содержания дифференциации уголовной ответственности (А.В. Васильевский, А.И. Коробеев, Л.Л. Кругликов, Т.А. Лесниевски-Костарева, Н.А. Лопашенко и др.). Автор приходит к выводу, что последняя выступает направлением деятельности государства и общества в сфере борьбы с преступностью. Признавать ее правовым принципом нельзя, так как он представляет собой определенную основополагающую идею, общую, в том числе, для всей уголовной политики и определяющую ее содержание. Дифференциация же в конечном итоге предназначена для правильной индивидуализации ответственности и направлена на это.

Осуществляя дифференциацию уголовной ответственности за деяния, связанные с распространением порочащих измышлений, законодатель использует средства дифференциации, предусмотренные как Общей, так и Особенной частью. Диссертант определяет, какие именно из них использованы при построении системы названных преступлений.

Анализируя особенности личности виновного как критерия дифференциации, автор отмечает, что последний используется только при построении состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 128¹ УК РФ. Такой подход, нарушая принцип системности, не может быть признан верным и создает очевидный пробел закона. Сформулировано предложение о дополнении ст. 298¹ и 306 УК РФ квалифицирующим признаком совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения.

Как отмечено ранее, в работе обоснована позиция, что объединение различных видов клеветы в рамках одной статьи УК РФ невозможно. Такой подход

к дифференциации неизбежно приведет к «смешению» преступлений с различными объектами. Устанавливая ответственность за деяния, предусмотренные ст. 128¹, 298¹ и 306 УК РФ, законодатель преследует различные цели. В первом случае – это охрана чести и достоинства личности, в остальных – прежде всего, интересов правосудия.

Анализируя редакцию ч. 5 ст. 128¹ УК РФ, автор приходит к выводу, что используемый в норме оборот «клевета, соединенная с обвинением лица в ...» лексически не вполне корректен и создает искусственную двойственность содеянного виновным. Предложено использовать словосочетание «клевета, выраженная в обвинении лица в совершении...»¹.

Соискателю видится более оправданным широкий подход, который был ранее представлен в ч. 4 ст. 128¹ УК РФ, – с использованием термина «преступления сексуального характера». Не совсем понятно, почему ныне законодатель ограничивается в ч. 5 названной статьи только преступлениями, предусмотренными главой 18 УК РФ. Предлагается вернуться к прежней формулировке.

В работе обоснован вывод, что законодатель не совсем верно оценил степень общественной опасности деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 128¹ УК РФ, а именно клеветы, содержащейся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо совершенной публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Подобные действия, обладая крайне высокой степенью общественной опасности, должны рассматриваться как особо квалифицированный вид посягательства².

Автор негативно относится к включению в число квалифицирующих признаков клеветы указания на совершение последней в отношении индивидуально не определенных лиц и приводит соответствующую аргументацию. Предложено ввести в ч. 2 ст. 128¹ УК РФ такой квалифицирующий признак, как совершение преступления в отношении двух или более лиц (но индивидуально определенных) в связи с повышенной степенью общественной опасностью такого посягательства. Следует отметить, что совершение деяния в отношении двух или более лиц традиционно рассматривается уголовным законом как квалифицирующий или особо квалифицирующий признак. Аналогичный квалифицирующий признак предлагается предусмотреть и в ст. 306 УК РФ.

Диссертантом аргументировано дополнение в ст. 128¹ УК РФ примечанием, в котором надлежит особо предусмотреть: 1) возможность признания потерпевшими от преступления малолетних, лиц, страдающих психическими расстройствами и умерших; 2) указание на бланкетность нормы в части определения

¹ С этим предложением согласился 91 % опрошенных респондентов.

² Данный вывод поддержали 87 % опрошенных респондентов.

перечня заболеваний, опасных для окружающих; 3) перечисление преступлений сексуального характера¹.

Автор считает излишним закрепление для анализируемых деяний такого квалифицирующего признака, как наступление тяжких последствий в результате совершения преступления, предлагаемое в специальной литературе (В.Б. Поезжалов, А.Г. Хоштария, М.М. Шахмаев). Тяжкие последствия неодинаковы по степени их вредоносности, поэтому видится более обоснованным вопрос об их учете относить не к дифференциации ответственности, а к индивидуализации наказания. В данном случае суду доступен такой инструмент, как применение п. «б» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Оценивая в каждом конкретном случае характер и тяжесть наступивших последствий, суд может выбрать соразмерное наказание².

Во втором параграфе *«Научно-практическая модель совершенствования законодательства, регламентирующего ответственность за преступления, связанные с распространением порочащих измышлений»* диссертант реализует цель построения подобной парадигмы.

Автор приходит к выводу, что основой создаваемой модели являются принципы уголовного законодательства, основные методы уголовно-правовой политики, средства дифференциации уголовной ответственности.

В работе определены основные признаки (требования), которые должны характеризовать создаваемую модель: стабильность (традиционность); вариативность; системность; полнота. Сделан вывод, что на практике не все из указанных требований реализуются в должной мере.

Автор констатирует, что каждый из выделенных признаков обусловлен методами уголовно-правовой политики. Первый отражается в криминализации (декриминализации) деяний, связанных с распространением порочащих измышлений. Второй – в дифференциации уголовной ответственности за них. Системность выступает воплощением уголовно-правовой политики в целом, аккумулируя практически все ее методы. Полнота основана на познании потребностей в уголовно-правовой охране общественных отношений, криминализации соответствующих общественно опасных деяний и дифференциации уголовной ответственности за их совершение.

В итоге в диссертации сформулирована обновленная структура системы преступлений, связанных с распространением порочащих измышлений:

Статья 128¹. Клевета

1. Клевета, то есть распространение измышлений, порочащих честь другого лица, – наказывается...

2. Клевета, совершенная лицом с использованием своего служебного положения, а равно в отношении двух или более лиц, – наказывается...

¹ С этим предложением солидарны 90 % опрошенных респондентов.

² С таким выводом солидарны 67 % опрошенных респондентов.

3. Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, – наказывается...

4. Клевета, выраженная в обвинении лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а равно в совершении преступления сексуального характера, – наказывается...

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, совершенные в рамках публичного выступления, публично демонстрирующегося произведения, средствах массовой информации либо совершенные публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», – наказываются...

Примечания. 1. Положения, предусмотренные настоящей статьей, применимы к случаям распространения измышлений в отношении малолетних, лиц, страдающих психическими расстройствами, и умерших.

2. Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, определяется Правительством Российской Федерации.

3. К числу преступлений сексуального характера относятся деяния, предусмотренные гл. 18, а также статьями 240, 241, 242, 242¹, 242² настоящего Кодекса.

Статья 141². Клевета в отношении кандидата на выборную должность

1. Клевета в отношении кандидата на должность Президента Российской Федерации, депутата законодательного (представительного) органа государственной власти или местного самоуправления, иную выборную должность в органах государственной власти или местного самоуправления, – наказывается...

(квалифицирующие признаки преступления аналогичны указанным в ч. 2-5 ст. 128¹ УК РФ).

Статья 169¹. Клевета в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя

1. Клевета, то есть распространение измышлений в отношении юридического лица или индивидуального предпринимателя, подрывающих деловую репутацию потерпевшего, причинившее существенный вред их деятельности, – наказывается...

2. То же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в отношении двух или более лиц, – наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные в рамках публичного выступления, публично демонстрирующегося произведения, с использованием средств массовой информации, а равно электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), – наказываются...

Статья 293¹. Клевета в отношении Президента Российской Федерации, депутата законодательного (представительного органа), главы субъекта РФ или муниципального образования

1. Клевета в отношении главы муниципального образования, депутата представительного органа местного самоуправления в связи с осуществлением ими служебной деятельности – наказывается...

2. Клевета в отношении главы субъекта Российской Федерации, депутата законодательного (представительного) органа власти субъекта Российской Федерации в связи с осуществлением ими служебной деятельности – наказывается...

3. Клевета в отношении Президента Российской Федерации, депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, члена Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, совершаемая в связи с осуществляемой ими деятельностью, – наказывается...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, – наказываются...

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, выражающиеся в распространении измышлений о наличии у лица заболевания, представляющего опасность для окружающих, – наказываются...

6. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей или четвертой настоящей статьи, выражающиеся в обвинении лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а равно преступления сексуального характера, – наказываются...

7. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей, четвертой, пятой или шестой настоящей статьи, совершенные в рамках публичного выступления, публично демонстрирующегося произведения, с использованием средств массовой информации, а равно электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), – наказываются...

Статья 298¹. Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации

1. Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, в связи с рассмотрением дел или материалов в суде – наказывается...

2. То же деяние, совершенное в отношении прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации в связи с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта, – наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно в отношении двух или более лиц, – наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, выражающиеся в распространении измышлений относительно наличия у лица заболевания, представляющего опасность для окружающих, – наказываются...

5. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, выраженные в обвинении лица в совершении преступления, – наказываются...

6. Деяния, предусмотренные частями первой, второй, третьей, четвертой или пятой настоящей статьи, совершенные в рамках публичного выступления, публично демонстрирующегося произведения, с использованием средств массовой информации, а равно электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), – наказываются...

Статья 306. Заведомо ложный донос

1. Заведомо ложный донос о совершении преступления, – наказывается...

2. То же деяние, совершенное лицом с использованием своего служебного положения либо в отношении двух или более лиц, – наказывается...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, выраженные в обвинении лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, а равно преступления сексуального характера, – наказываются...

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, соединенные с искусственным созданием доказательств обвинения, – наказываются...

5. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные в рамках публичного выступления, публично демонстрирующегося произведения, с использованием средств массовой информации, а равно электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), – наказываются...».

В заключении поведены итоги осуществленного исследования, сформулирован комплекс основных выводов и предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства в соответствующей его части.

В приложении представлены опросный лист и обобщенные результаты анкетирования федеральных судей и следователей по проблемам проводимого исследования.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора (общим объемом 4,15 п.л.):

Статьи, размещенные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований:

1. Елец, С.А. Основные этапы и закономерности развития норм об

уголовной ответственности за распространение заведомо ложных измышлений / С.А. Елец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 8. – С. 65-70 (0,55 п.л.).

2. *Елец, С.А.* Преступления, предусмотренные ст. 298¹ УК РФ, как особая разновидность клеветы / С.А. Елец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 11. – С. 74-78 (0,5 п.л.).

3. *Елец, С.А.* Основные подходы к дифференциации уголовной ответственности за преступления, выражающиеся в распространении порочащих измышлений / С.А. Елец // Теория и практика общественного развития. – 2021. – № 3 (157). – С. 64-67 (0,45 п.л.).

4. *Елец, С.А.* Теоретическая модель построения системы преступлений, выражающихся в распространении порочащих измышлений / С.А. Елец // Общество: политика, экономика, право. – 2021. – № 3 (92). – С. 52-56 (0,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных изданиях:

5. *Елец, С.А.* Заведомо ложный донос в системе преступлений, связанных с распространением порочащих личность измышлений / С.А. Елец // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально значимых интересов: материалы VIII Международной научно-практической конференции (г. Краснодар, КСЭИ, 18 апреля 2019 г.) / отв. редактор М.Л. Прохорова. – Краснодар, 2019. – С. 79-82 (0,3 п.л.).

6. *Елец, С.А.* Угроза распространения порочащих личность измышлений как способ совершения преступления / С.А. Елец // Sciences of Europe (Praha, Czech Republic). – 2019. – VOL. 4, № 44. – С. 27-30 (0,25 п.л.).

7. *Елец, С.А.* Деяния, связанные с распространением порочащих личность измышлений, в законодательстве стран бывшего СССР / С.А. Елец // Евразийский союз ученых: Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 8 (77), Т. 4. – С. 51-57 (0,7 п.л.).

8. *Елец, С.А.* Проблемные вопросы квалификации клеветы / С.А. Елец // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции (Краснодарский университет МВД России, 11 сентября 2020 г.) / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, В.С. Соловьев, П.В. Максимов, И.А. Паршина, А.З. Хун. – Краснодар, 2020. – С. 209-216 (0,5 п.л.).

9. *Елец, С.А.* Система преступлений, выражающихся в распространении заведомо ложных измышлений: современное состояние и перспективы оптимизации / С.А. Елец // Евразийский союз ученых: Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 11 (80), Т. 6. – С. 22-25 (0,4 п.л.).